

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт философии Российской академии наук

«Допустить к защите»

Руководитель сектора эстетики,
в.н.с., к.ф.н. Петровская Елена Владимировна

(подпись)

« ____ » _____ 20 ____ г.

Спиваков Максим Витальевич

НАУЧНЫЙ ДОКЛАД

ПО РЕЗУЛЬТАТАМ НАУЧНО-КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ

«Проблема видимости в технико-эстетической перспективе»

по направлению 47.06.01. Философия, этика и религиоведение
направленности (профилю) 09.00.04. Эстетика

Научный руководитель:

к.ф.н., с.н.с. сектора эстетики Института философии РАН Аронсон Олег Владимирович

Рецензенты:

д.ф.н., проф. Школы философии и культурологии НИУ ВШЭ Инишев Илья Николаевич,

д.ф.н., в.н.с. сектора эстетики Кормин Николай Александрович

Дата защиты:

« ____ » _____ 20 ____ г.

Оценка: _____

Протокол ГЭК № ____ от _____ 20 ____ г.

Москва, 2022

Содержание

Введение.....	3
Актуальность темы исследования.....	3
Степень разработанности проблемы.....	5
Объект и предмет исследования.....	14
Цель и задачи работы.....	14
Теоретико-методологическая основа исследования.....	14
Научная новизна исследования.....	16
Положения, выносимые на защиту.....	17
Теоретическая и практическая значимость исследования.....	18
Степень достоверности и апробация результатов исследования.....	18
Структура научно-квалификационной работы.....	19
 Основное содержание научно-квалификационной работы.....	 20
Глава 1. От ограниченной эстетики к эстетике всеобщей.....	20
Глава 2. Видимость и пределы феноменологии.....	27
Глава 3. Машина и машинные видимости.....	31
 Заключение.....	 38
Список литературы.....	42

Введение

Предметом данного диссертационного исследования является философское осмысление трансформаций комплекса практик, центрированных на способности к зрению. Предложенная в исследовании технико-эстетическая перспектива анализа выявляет принципиальное значение техники и ее эволюции в практиках наблюдения, воображения, «зрительства», производства и анализа визуальных образов, рассмотренных в диссертации в качестве общей проблемы видимости. Полисемантичность выбранного термина, его лиминальное, нестабильное положение в русскоязычном философском лексиконе, позволяет охватывать под одним понятием различные аспекты исследуемой проблемы.

Технико-эстетическая перспектива исследования артикулирует проблему чувственного восприятия вне традиционной для истории европейской философии схемы субъект-объектных отношений и требует пересмотра классических антропоцентрических моделей восприятия. Технический элемент, будь то инструмент, машина, или навык — жест, речь, письмо — не сводится в таком анализе к вспомогательной роли «опосредующего звена» в процедуре восприятия, но определяет саму логику чувствования. Принципиально новые способы производства и распределения чувственного, алгоритмизация контроля и возникновение современных техно-устройств предельно расширяющих возможность визуального восприятия, делает необходимым проведение исследования в широком междисциплинарном контексте, включающим в себя не только аппарат философской эстетики, но и элементы социальной философии и философии техники.

Актуальность темы исследования обусловлена радикальными трансформациями, которые в связи с эволюцией техники претерпевает эстетическая способность в расширенном значении понятия и, в частности, комплекс практик обусловленных способностью к зрению. История чувственности на всем своем протяжении зависима и взаимообусловлена историей техники. Однако

возникновение принципиально новых способов производства, распределения и разделения чувственного, его «цифровизация», кибернетизация и алгоритмизация в конце XX в. — начале XXI в., отмечает принципиально новый этап сопряженной истории развития технического и эстетического. Технически-обусловленные видоизменения чувствования не сводятся к усилению или усовершенствованию исходно данной телесной способности за счет внедрения в эстетический процесс технического элемента. Текущий этап коэволюции техники и эстетической способности свидетельствует о деантропологизации и денатурализации чувственности. Чувственное перестает быть сферой, управляемой априорными и неизменяемыми органическими способностями субъекта, и не замыкается в их пределах, тогда как техника больше не может быть осмыслена в инструментальной логике в качестве протетической экстериоризации и усиления естественных способностей воплощенного субъекта. Вместо однозначного разграничения и подчинения технического органическому на настоящем этапе своей истории эстетическая процедура демонстрирует работу гибридных перцептивных сущностей с различной степенью человечности и техничности.

Тезис о принципиальной техничности чувственности имеет практическое политическое измерение. Предпосылка о технической, *неестественной*, природе чувственности и ее историчности определяет не только стратегию исследования процедур контроля и нормализации чувственного, но и практику сопротивления. Хотя контроль и нормализация чувственности с необходимостью осуществляется технологическими средствами, именно через *обратную* дискурсивную тактику «натурализации» навязанный режим чувственности представляется инвариантным.

Техническая воспроизводимость видимого образа во многом определившая, как показал Вальтер Беньямин, ход не только эстетической, но и политической истории XIX в. и XX в., завершается развоплощением образа. Преодолевая традиционное концептуальное разграничение на ментальные и физические образы, цифровой объект «видимость-код» переживает утрату фиксиро-

ванного материального субстрата. Подобное развоплощение захватывает собой в XXI в. вслед за видимым образом его производителя и зрителя. Видимость оказывается не только технически репродуцируемой, но потенциально автономной сферой взаимодействия технических элементов. Вместо срединного положения между человеком как субъектом восприятия и его объектом, технические элементы замыкают собой оба конца оперативной цепи видимости, включающей в себя человеческих участников лишь опционально. Так, техническая воспроизводимость видимого образа оборачивается образованием ее технического производителя. Машина обретает способность не только воспроизводить, но и производить видимости, подобия, не в качестве инструментальной надстройки человеческого действия, но в автономном и *нетранспарентном* акте «черного ящика». «Бог захотел создать по своему образу и подобию человека, человек, забыв Бога, захотел создать машину, теперь, возможно, машина, забыв человека, захочет создать Бога»¹.

Алгоритмические системы генерации образов, сбора и анализа поведенческих данных, автономные системы наблюдения и обработки потоков визуальной информации, хотя и зарождаются в технических ансамблях, но с необходимостью трансформируют всеобщую логику чувствования и побуждают к поиску новых подходов к анализу взаимозависимых областей эстетического и технического.

Результаты настоящего исследования содействуют пониманию современного технико-эстетического состояния видимости.

Степень разработанности проблемы

Междисциплинарная природа исследования делает релевантными его целям и задачам работы в области философской эстетики, визуальных исследований, антропологии, философии техники, социальной и политической философии. Задача всестороннего критического осмысления процессов обеспеченных

¹ Berr M.-A. Die Kadenzen der Schöpfung: Gott ? Mensch ? Maschine ? // Anthropologie nach dem Tode des Menschen / D. Kamper, C. Wulf (Hrsg.). Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1994. S. 206.

способностью к видению является осью ряда смежных дисциплин, складывающихся в европейской и американской гуманитарной науке в конце XX в. Возрастающее внимание к комплексу проблем, связанных с видимым осмысливается в научной литературе в качестве серии «поворотов» гуманитарного знания. Так, отсылая к «лингвистическому повороту» философии первой трети XX в., У. Дж. Т. Митчелл свидетельствует о «пикториальном повороте», определяющим обширный ряд исследований 1980-1990-х гг.² Этот поворот отмечает как возрастающий интерес к проблеме визуальности в (главным образом, франкоязычной) постструктуралистской философии, так и становление отдельных академических гуманитарных дисциплин.

В отличие от работ, принадлежащих философской эстетике этого же периода, в фокусе исследовательского интереса «пикториального поворота» оказываются не столько произведения визуального искусства, сколько визуальные артефакты, — главным образом, технической природы — отброшенные классической философской эстетикой, историей и теорией искусства. Уже к середине XX в. в связи с технической эволюцией, развитием фотографии, кинематографа и средств тиражирования, подавляющее число как типов визуальных артефактов, так и их единиц, оказываются за границами исследовательского интереса дисциплин, обладавших на тот момент монополией на исследование визуального и оперирующих категориями принципиально не пригодными для анализа феноменов не претендующих на статус искусства. Так, формирующиеся к концу XX в. дисциплины фокусируют свое внимание на изображениях, располагающихся «где-то между тем, что Томас Кун называл “парадигмой” и “аномалией”»³. К этой традиции, помимо У. Дж. Т. Митчелла, следует отнести Ганса Бельтинга, Готфрида Бема (критиковавшего Митчелла за слишком расширительную трактовку «поворота»), Джеймса Элкинса.

В то же время в широком спектре гуманитарных и социальных наук исследуется комплекс проблем связанных с видением и визуальностью, обуслов-

² См.: Mitchell W. J. T. Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 461 p.

³ Ibid. P. 13.

ленных не столько тем или иным типом визуальных феноменов, сколько различиями в типах самой феноменальности. Американский исследователь Мартин Джей описывает эту тенденцию, продолжая систематизацию Митчелла, как «визуальный поворот»⁴. Подход принадлежащих этой тенденции работ, сформировавших академические дисциплины «визуальные исследования» и, позже, «исследования визуальной культуры», примыкает скорее к социальной философии, антропологии или эпистемологии, чем к истории или философии искусства. Задача этих исследований не столько дать исчерпывающий анализ нового типа визуального феномена, прежде исключенного из фокуса гуманитарного знания. Скорее, пользуясь понятием Мишеля Фуко, эти работы стремятся обнаружить «визуальную эпистему» конкретной исторической формации — определенный воспроизводящийся режим или стратегия видимости и выражения (то, что Жиль Делёз в своем курсе лекций о Мишеле Фуко, называл *le visible et l'enonçable* «видимое и высказываемое»⁵), сопутствующий исторически подвижным доминирующим способам производства субъективности.

К традиции «визуального поворота» можно отнести ряд работ, к анализу которых напрямую обращается это исследование. В частности, это работы Мари-Жозе Мондзен, а также уже упомянутого выше Мартина Джея. В русскоязычном гуманитарном знании это направление не получило столь заметного развития, однако нельзя не отметить значения работ Е. В. Петровской, также, обращающейся в ряде исследований к интерпретации идей Мондзен⁶, работы И. Н. Инишева, Н. Н. Сосны. К дисциплине визуальных исследований примыкает, сохраняя теоретическую автономию, исследования кинематографа и кинематографического изображения. Значительный интерес для этого исследования представляют работы О. В. Аронсона⁷. В свою очередь в качестве самосто-

⁴ Jay M. That Visual Turn. The Advent of Visual Culture // Journal of Visual Culture. 2002. No. 1. P. 87–92.

⁵ Deleuze G. Foucault. Paris: Minuit, 2004. 146 p.

⁶ См. напр.: Петровская Е. В. Теория образа. М.: РГГУ, 2010. 281 с.

⁷ Аронсон О. В. Метакино. М.: Ad Marginem, 2003. 264 с.; Аронсон О. В. Коммуникативный образ (Кино. Литература. Философия). М.: Новое литературное обозрение, 2007. 384 с.; Аронсон О. В. Кино и философия: от текста к образу. М.: ИФ РАН, 2018. 109 с.

ятельного раздела исследований кинематографа выделяются исследования (кинематографического) «зрительства» (*spectatorship studies*), обращающиеся к проблеме, вплотную прилегающей к теме настоящего исследования. Ключевые работы по этой теме принадлежат Джудит Мэйн⁸, Мари Анн Доане⁹, И. Анн Каплан¹⁰.

Тема этого исследования во многом созвучна проблематике указанных «поворотов» гуманитарного знания и возникших в связи с ними дисциплин «визуальные исследования» и «исследований визуальной культуры». Вместе с тем понятие визуальности, объединяющее дисциплины «визуального поворота», намеренно не используется в формулировке ключевой проблемы настоящей работы. Выбор не латинизированного полисемантического и противоречивого понятие видимости, позволяет выдержать определенную методологическую и жанровую автономию от указанных дисциплин. В этом отношении вторая часть заглавия этой работы, обозначающая «техничко-эстетическую перспективу» исследования, указывает на отличную от указанных дисциплин теоретическую траекторию исследования.

Сопряжение в одном переходном понятии техники и эстетики свидетельствует не только о применении в исследовании методологий соответствующих областей философского знания. Отвечая на задачу экспликации влияния технической эволюции на эстетическую способность, техническая составляющая восприятия рассматривается в исследовании не в качестве среднего термина, опосредующего и увязывающего собой фиксированные полюсы субъекта восприятия и аффицирующего его объекта, но в качестве неустранимого соучастника воспринимающего ансамбля, определяющего общую логику восприятия. Технический элемент в схеме восприятия является составной частью и условием возможности учреждения эстетического опыта. В фокусе технико-

⁸ Mayne J. *Cinema and Spectatorship*. London, New York: Routledge, 1993. 200 p.

⁹ Doane M. A. *Film and Masquerade: Theorising the Female Spectator* // Thornham S. (ed.) *Feminist Film Theory: A Reader*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. P. 131–156.

¹⁰ Kaplan E. A. *Film and History: Spectatorship, Transference, and Race* // *History and...: Histories within the Human Sciences* / R. Cohen, M. Roth (eds.). Charlottesville, VA: Virginia University Press, 1995. P. 179–208.

эстетической анализа оказывается не статическая схема всеобщих трансцендентальных способностей, но процесс восприятия, реализующийся в технических схемах и операциях. Как отмечает Жильбер Симондон, предложивший собственный набросок понятия, технико-эстетический аспект восприятия отмечен скорее деятельным, чем созерцательным отношением с предметом и является более фундаментальной и даже примитивной категорией, чем собственно эстетическое, «чистое ощущение», всецело расположенное на стороне субъекта и его чувственных способностей.

Конец XX в. — начало XXI в. становится свидетелем возникновения радикально новых способов производства, распределения и разделения чувственного; его компьютеризации, кибернетизации и алгоритмизации. Текущий этап коэволюции техники и эстетической способности, хотя и сохраняет безусловную преемственность от предшествующих этапов, однако отмечает в ней радикальный разрыв. Для понимания текущих процессов трансформации чувственности необходимо отказаться от традиционных антропоцентрических понятий техники и эстетической способности и переосмыслить техно-эстетическое состояние вне разделения между культурным и природным, человеческим и нечеловеческим. Антропологические исследования Эдуардо Вивейруша де Кастро, Филиппа Дескола и Тима Ингольда, а также работы Бруно Латура предлагают методологические основания для устранения этого эпистемического барьера. Соответствующий «деантропологизирующий» подход к рассуждению о технике, техническом действии и «техничности» зарождается в русле франкоязычной теории XX в. и объединяет концепции Ж. Кангилема, Ж. Симондона, Ф. Гваттари и других авторов. Эта линия проблематизации противостоит представлению о сущности техники, складывающимся в преимущественно немецкоязычных и русскоязычных сочинениях, легших в основание дисциплины философии техники — в работах Э. Каппа, П. К. Энгельмейера, В. Ф. Эрна, или в концепции техники как «поставы» М. Хайдеггера.

Проблематизация техники и «способа существования технического объекта» в работах Симондона имеет принципиальное значение для этого исследо-

вания. Филогенез технического объекта вписан в философии Симондона в «процессуальную» онтологию становления или теорию индивидуации. Теория Симондона описывает индивидуацию сущего, выделяя траекторию индивидуации технического объекта, указывая на сходство и различие этого процесса от траектории становления иных типов сущего.

После пятидесятилетней паузы в последнее десятилетие работы Симондона привлекают значительный интерес исследователей. Об этом свидетельствует (и этому способствует), в частности, публикация в 2020 г. ключевых работ Симондона на английском языке. До публикации английского перевода заметным популяризатором и интерпретатором идей Симондона в англоязычной литературе выступал американский философ Брайн Массуми¹¹. Помимо самостоятельных философских проектов Массуми выступил автором перевода и ряда теоретических интерпретаций работ Жюль Делёза и Феликса Гваттари. В этом отношении прямое влияние сочинений Симондона на формирование ряда ключевых понятий философии Делёза и Гваттари во многом определяет *обратное* «узкоделёзианское» прочтение Массуми положений философии Симондона. Такая траектория — через вдохновленные проектом Симондона более поздние работы Делёза и Гваттари к философии Симондона — продолжает быть основным путем распространения знания о философии Симондона за пределами Франции¹². Подобным образом в делёзианской оптике обращается к философии Симондона Анн Сованьярг. Иное критическое развитие идеи Жильбера Симондона получают в работах Бернара Стиглера и его последователя Юка Хуэя. В случае этих проектов философия Симондона оказывается, в большей мере, опосредована не делёзианской философией, но феноменологией Мартина Хайдеггера и деконструкцией Жака Деррида. Развернутую политическую интерпретацию теории трансиндивидуации Симондона предлагает Мури-

¹¹ См. напр.: Massumi B. “Technical Mentality” Revisited: Brian Massumi on Gilbert Simondon // *Parrhesia*. 2009. No. 15. P. 36–45.

¹² Hörl E., Yuk H. Preface // Barthélémy J.-H. *Life and Technology: An Inquiry into and Beyond Simondon*. Lüneburg: Meson Press, 2015. P. 9.

ель Комб в работе «Gilbert Simondon and the Philosophy of the Transindividual»¹³, феминистский комментарий — Элизабет Гросс. На теории индивидуации Симондона основывается гипотеза Марка Хансена о природе средств коммуникации XXI в., подробно разобранный в настоящей работе. Опираясь на понятия доиндивидуальной реальности в теории индивидуации Симондона и его трактовки аффекта, Хансен определяет действие «современных медиа» как трансформацию доиндивидуального, а, значит, не только внесубъектного, но определяющего саму возможность субъективации, слоя реальности.

Русскоязычная научная литература не столь богата на интерпретацию и переосмысление наследия Симондона. Однако следует выделить статьи Д. Ю. Сивкова, Е. В. Кучинова, Д. С. Шалагинова, М. А. Куртова, предлагающие неконвенциональные подходы к проблематизации техники, обращаясь, в том числе, к наследию Симондона, а также работы Я. И. Свирского, интерпретирующего конкретные положения и проблемы проекта Симондона.

Другой блок текстов, представляющий значительный интерес для данного исследования, связан с пересекающимися множествами современных материалистических философских течений «спекулятивного реализма» и «акселерационизма». Движение «спекулятивного реализма» получает свое название от одноименной конференции, прошедшей в университете Голдсмит Колледже в Лондоне в 2007 г., объединившей таких философов как Рэй Брассье, Квентин Мейясу, Грэм Харман, Иан Гамильтон Грант. Различные по существу проекты этих авторов связывает радикальное отрицание Кантовской философии и всей наследующей ей философской традиции, принципиально ограничивающей философское осмысление мира (или материи) корреляцией мира и человеческого сознания. Принимая различные формы и меняя углы атаки, спекулятивный реализм стремится обрушить антропоцентричные основания западной посткантовской философии, разворачивая философию в сторону нечеловеческого. Дискуссии вокруг положений спекулятивного реализма были собраны в кол-

¹³ Combes M. Gilbert Simondon and the Philosophy of the Transindividual. Cambridge, Mass: MIT Press, 2013. 119 p.

лективной монографии «Speculative Turn. Continental Materialism and Realism»¹⁴. Выступивший соредактором монографии Грэм Харман также является автором своеобразного введения в спекулятивный реализм¹⁵, в котором излагаются основные положения, точки конвергенции и несогласия движения. Несмотря на то, что проблема техники не является центральной для авторов этого направления, она занимает важное место в объединяющем спекулятивный реализм пафосе деантропологизации философии. Ряд положений философии Квентина Мейясу и Рэя Брассье анализируются в контексте работ советского философа Э. В. Ильенкова.

Не меньший интерес для настоящей работы представляет группа текстов, связанных с акселерационистским движением, восходящим к «Группе исследования кибернетической культуры» (Cybernetic Culture Research Unit). Возникшее в конце 1990-х вокруг фигур Сейди Планта и Ника Ланда годов пара-академическое сообщество включало в себя, в том числе ряд ключевых фигур «спекулятивного реализма». Творческое наследие «группы исследования кибернетической культуры» едва ли подлежит жанровой классификации и сочетает в себе элементы технонауки, философии, перформанса, мистицизма, нумерологии, теории сложности, научной фантастики и литературы ужаса. Работы группы и наследующего ей движения «акселерационизма» озабочены политическим и социальным значением кибер-технологий — и, в наиболее радикальных посылах, чаемой технологической отмены человека, представляющимся временным инструментом становления техно-капиталистической реальности. Разделившийся на левое и правое крыло акселерационизм в обоих направлениях требует интенсификации и ускорения технокапиталистических противоречий. «Левое крыло» акселерационизма рассматривает современный капитализм как искусственный ограничитель развития техники. В то время как «ускоренная» вместе с капитализмом техника является единственным орудием, способным высвободить из оков капитализма человека. Для Ника Ланда и «правого

¹⁴ Bryant L. R., Srnicek N., Harman G. The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism. Anamnesis. Melbourne: Re.press, 2011. 440 p.

¹⁵ Харман Г. Спекулятивный реализм: введение. М.: РИПОЛ классик, 2020. 290 с.

акселерационизма» необходимое ускорение капитализма есть способ не освободить, но преодолеть остатки человеческого. Ключевые тексты акселерационистского движения были опубликованы в сборнике «#Accelerate: The Accelerationist Reader»¹⁶. Однако основным пространством становления и распространения идей акселерационизма остаются личные блоги авторов.

Для этого исследования особый интерес представляют работы Лучианы Паризи, участвовавшей в работе «Группы исследования кибернетической культуры», и не входившего в группу, однако испытывавшего значительное влияние Ника Ланда, Резы Негарестани. Оба этих автора предлагают нетривиальное осмысление политического, эстетического и онтологического значения алгоритмической автоматизации и искусственного интеллекта. Лучиана Паризи описывает логики стоящие за машинным обучением и алгоритмическими системами, которые не сводятся к логике непротиворечия и работе машины тьюринга, но представляют собой принципиально «чуждые логики» (alien logics). «Носителями» чуждых логик оказываются «чуждые субъекты» (alien subjects) — системы искусственного интеллекта, которым делегируется принятие решений об обширном и возрастающем количестве общественно-политических процессов. Такое прочтение значения искусственного интеллекта и машинного обучения не сводится для Паризи ни к классической для середины XX в. критике инструментализации разума, ни к техно-оптимистическим мессианским ожиданиям характерным для проекта акселерационизма. Паризи фиксирует, как трансформации технологических возможностей переопределяет поле всеобщего в политическом и в эстетическом измерении.

В свою очередь в проекте «рационалистического ингуманизма» Негарестани настаивает на необходимости уступить место и статус человека субъекту искусственного интеллекта в качестве гуманистического требования *оставаться* человеческим.

¹⁶ Avanessian A., Mackay R. (eds.) #Accelerate: The Accelerationist Reader. Falmouth: Urbanomic, 2014. 544 p.

Среди русскоязычных исследований к этой группе текстов примыкает ряд работ Й. Регева, переосмысляющих наследие «Группы исследования кибернетической культуры» и акселерационизма.

Объект исследования: исторические трансформации и современное состояние видимости.

Предмет исследования: теоретическое и практическое значение влияния эволюции техники на эстетическую способность, реализуемую в центрированных на зрении практиках и процедурах.

Основная цель исследования — проанализировать проблему видимости в свете сопряжения технических и органических элементов чувственности.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие *задачи*:

- обозначить область и выявить принципиальные положения технико-эстетической перспективы исследования, раскрывающей сферу соучастия в эстетической практике технических и органических элементов;
- эксплицировать значение и роль технического элемента в формировании видимости;
- проанализировать феноменологическую интерпретацию становления видимости и режимов зрелища;
- рассмотреть воздействие систем сбора и анализа поведенческих данных зрителя на трансформацию режима зрелища и роли зрителя;
- проанализировать различные подходы к проблеме сопряжения технических и органических способностей и абстракции мыслящей и чувствующей машины.

Теоретико-методологическая основа исследования

Данное исследование совмещает историко-философский подход в решении задачи интерпретации ряда положений современной континентальной философской традиции и герменевтический метод анализа и интерпретации от-

дельных концепций современной эстетической теории. Вместе с тем исследование не ограничивается историко-философским анализом и предлагает ряд самостоятельных аналитических построений, осмысляющих заявленную в теме исследования проблему видимости. Опираясь на предложенный Жильбером Симондоном подход «всеобщей феноменологии машин», исследование анализирует значение машинного, технического элемента в цепи восприятия.

Методологическим ориентиром данной научно-квалификационной работы послужил ряд новейших исследовательских проектов в области философской эстетики и философии техники. В частности, исследование опирается на проект Эриха Херла, разворачивающийся в обширной библиографии и серии публичных выступлений. В своих работах, обращаясь к философскому наследию Жильбера Симондона, Феликса Гваттари, Жана-Люка Нанси, и переосмысляя понятие «всеобщей экономики» Жоржа Батая, Эрих Херл разрабатывает концептуальную парадигму «всеобщей экологии». С одной стороны, критический аппарат экологии способствует переопределению или «экологизации» философского знания. Херл связывает динамику «экологизации» мышления в конце XX в. (выраженную, в частности, в расширительной трактовки этого понятия Грегори Бейтсона и Феликса Гваттари) с общей динамикой сдвига фокуса гуманитарной науки от парадигмы «индивидуального бытия» к парадигме «реляционного бытия». В этом отношении принципиально важной категорией оказывается понятие среды. Уже в 1950-х гг. Жорж Кангилем утверждал, что «понятие среды становится универсальным и обязательным способом осмысления опыта и существования живых существ»¹⁷. В свою очередь Жильбер Симондон снимает уточняющее ограничение о «живых существах» в формуле Кангиляма и опирается на понятие среды в собственной концептуализации техники.

С другой стороны, в процессе экологического переопределения философии сама концепция экологии оказывается переосмысленной далеко за пределами своего исходного семантического содержания, научно-познавательной области и политических коннотаций единения с романтизированной природой.

¹⁷ Canguilhem G. La Connaissance de la vie. Paris, Vrin, 1965. P. 160.

Напротив, проект Херла (как и созвучное прочтение понятия в работах Тимоти Мортонa, Юсси Парикка и других авторов) предполагает радикальную «денатурализацию» экологии и обращается к аппарату экологии для переосмысления текущего технологического состояния. Понятие экологии, таким образом, меняет свое положение в разделении природы и техники, разрывает узы, связывавшие ее с природой, и по-своему переустраивает этот барьер. Экология в становлении техноэкологией оказывается для Херла направляющей концепцией детерриториализации отношений между природой и техникой, определяющей современную эпоху.

Методологические принципы проекта Эриха Херла легли в основу 1-й части настоящей работы. В резонансе с проектом «генерализации экологии» в этом исследовании предпринимается попытка «генерализации эстетики». Возвращаясь к исходному для формирования соответствующих концепций различению всеобщей и ограниченной экономики в работах Жоржа Батая, в качестве «ограниченной эстетики» в данной работе рассматривается осмысление понятия видимости в феноменологической перспективе. Понятийный аппарат и инструментарий феноменологической философии опирается на ряд методологических ограничений и «рестрикций». 2-я часть настоящего исследования рассматривает пределы феноменологического осмысления проблемы видимости. 3-я часть исследования рассматривает трансформацию практики видимости в связи с развитием искусственного интеллекта и машинного обучения на примере изменения режима зрелища и фигуры зрителя и обращается в более широкой перспективе к проблеме машины и гипотетической возможности машинной реализации человеческого сознания и восприятия.

Научная новизна исследования обусловлена анализом проблем видимости и чувственного восприятия вне устоявшихся антропоцентрических схем субъект-объектных отношений и ригидных разграничений культуры/природы, человеческого/нечеловеческого. Проблема видимости впервые освещается в контексте новейших философских подходов к осмыслению техники. Исследо-

вание проблематизирует не только эстетический аспект технической эволюции, но также социальный и политический. Работа предлагает собственную трактовку понятия техно-эстетики, отличную от сложившегося в русскоязычной литературе.

Положения, выносимые на защиту:

1. Складывающийся к концу XX века способ производства субъективности смещается от опоры на способность индивида к языку и символизации к эстетической способности, аффекту и восприятию. Такая трансформация обеспечивается техникой, получающей на данном этапе своей эволюции непосредственный доступ к доязыковому и доперцептивному слою индивидуации.
2. С развитием техники чувственность перестает быть сферой ограниченной способностями субъекта, но оказывается свойством общей техно-эстетической среды, пренебрегающей границами между человеческим и машинным типом восприятия. Техника не надстраивается к сформированным способностям индивидуированного субъекта, но участвует в совместном становлении.
3. Анализ производства и зрелища наскального изображения в работах Мари-Жозе Мондзен и Андре Леруа-Гурана позволяет наметить исходную точку дочеловеческого становления видимости, истории зрительства и прото-технической функции жеста. Homo spectator, человек-зритель, зарождающийся в простейшей технической операции, соэволюционирует вместе с техникой из дочеловеческого к послечеловеческому состоянию.
4. Алгоритмические системы сбора и анализа поведенческих данных встроенные в системы показа цифрового видео трансформируют режим зрелища и переопределяют функциональную роль его зрителя. В отличие от аппаратного устройства кинематографического режима зрелища, машинный компонент зрелища такого типа не ограничен функцией показа и

становится составной частью стороны наблюдения, размывая границы между процедурой показа и просмотра.

5. Проблема видовой конечности человека является общей предпосылкой для размышления о нечеловеческом в работах Эвальда Ильенкова, Жана-Франсуа Лиотара и ряда современных философов, примыкающих к движению акселерационизма. Критика кибернетического проекта в поздних сочинениях Ильенкова и радикальная гипотеза о сознательном техническом уничтожении вселенной в его раннем трактате объединяет в катастрофическом жесте самоотмены человеческого и нечеловеческое.

Теоретическая и практическая значимость исследования обусловлена тем, что его основные выводы способствуют осмыслению и прогнозированию техногенных процессов в трансформации форм чувственного опыта. Работа вносит вклад в пересмотр категориального аппарата и предметного поля философской эстетики и содействует формированию нового, расширительного понимания эстетики, отвечающему вызовам информационного общества.

Полученные результаты исследования могут быть использованы в дальнейшем изучении новейших направлений современной эстетической теории, а также в междисциплинарных исследованиях. Результаты исследования могут быть использованы для подготовки лекционных курсов и научных и методических пособий, посвященных современной западной философии, для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей.

Степень достоверности и апробация результатов работы

Основные положения и выводы научно-квалификационной работы обсуждались на заседаниях сектора эстетики Института философии Российской академии наук; регулярном научно-теоретическом семинаре «Эстетика и ее трансформации в XXI веке»; круглом столе «Социальные аспекты современной эстетической теории» совместно с кафедрой эстетики философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (19 февраля 2021 г. [Электронный ресурс] URL:

<https://youtu.be/KbPShrShEPQ>). Публичной лекции на тему: «Из огня: техно-подозрение и экологии неестественного» (Лекторий музея современного искусства «Гараж», 15 марта 2021 г. [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtu.be/1BPYvrK9N0M>).

В журналах из списка ВАК РФ, а также входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования (Web of Science) по теме исследования опубликованы следующие статьи автора:

1. Спиваков М. В. Происхождение видимости. Мари-Жозе Мондзен и Андре Леруа-Гуран о становлении изображения, речи и желания // Философская мысль. 2020. № 7. С. 1-9. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.7.33197.
2. Спиваков М. В. Алгоритмический режим зрелища // Международный журнал исследований культуры. 2021. № 2 (43). С. 102–114. DOI: 10.52173/2079-1100_2021_2_102.
3. Спиваков М. В. Мыслящая плесень, распластанная на камнях далеких планет. Философия Эвальда Ильенкова и мышление нечеловеческого // Международный журнал исследований культуры. 2021. № 4. С. 21-34. DOI: 10.52173/2079-1100_2021_4_21.

Другие публикации по теме исследования:

1. Спиваков М. В. Огонь (ИБЛ – 5G) // Словарь эпохи пандемии. Синий диван. Философско-теоретический журнал / Под ред. Е. Петровской. [Вып. 24]. М.: Три квадрата, 2020. С. 178-187.

Структура научно-квалификационной работы:

Данная научно-квалификационная работа состоит из введения, трех глав, восьми параграфов, заключения, списка литературы. Общий объем составляет 177 страниц. Список литературы состоит из 163 наименований.

Основное содержание научно-квалификационной работы

Во **Введении** даётся общая характеристика проблематики, рассматриваемой в данной работе, и кратко излагается специфика делёзианского подхода к философии и эстетике. Приводится обоснование актуальности темы исследования, подробно освещается степень ее разработанности. Формулируются цель и задачи исследования, научная новизна и методологические основания работы, приводятся основные положения, выносимые на защиту, раскрывается теоретическая и практическая значимость исследования.

В **главе 1 «От ограниченной эстетики к эстетике всеобщей»** ставится задача пересмотра методологических оснований эстетического анализа, указывается на значение техники в этом процессе.

В **параграфе 1.1 «К понятию видимости»** очерчивается круг проблем, связанных с понятием видимости, и рассматривается в диахронической перспективе место и значение видимости, а также видимого и видения в структуре европейской метафизики. Видение представляется привилегированной чувственной способностью и увязывает чувственное восприятие с превосходящим его по значимости знанием. Панегириком видению открывается первая книга «Метафизики» Аристотеля: «Видение, можно сказать, мы предпочитаем всем остальным восприятиям»¹⁸. Зрительные метафоры насыщают понятийный аппарат европейского философского знания, начиная с греко- и латиноязычной античности: «идея», «теория», «феномен», «алетейя», «интуиция», «спекуляция». Хотя и уступающее умозрению, зрение является *наглядной* моделью для представления о его устройстве. Заложенный в античности окулоцентризм европейской метафизики позже пересобирается в свете христианского догмата о принципиальной видимости Бога и модели откровения — развоплощения, снятия покровов, скрывающих (видимую) истину от созерцания.

¹⁸ Аристотель. Метафизика // Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 65.

Вместе с тем модель откровения истины оборачивается также принципиальным подозрением к видимому. Видимое в качестве истины всегда таит в себе угрозу быть *лишь* видимым — покровом — который всякий раз *все еще* необходимо снять, чтобы обнажить *еще большую* истину. Такая угроза выражается в монотеистической функции идола или фетиша (тревожная близость *идола* и *идеи* подкреплена смежностью однокоренных слов *εἶδωλον* и *εἶδος*).

Начиная с Платона, европейская метафизика озабочена необходимостью «проведения различий между "вещью" как таковой и ее образами, оригиналом и копией, моделью и симулякром»¹⁹ и потому с подозрением относится к видимому, способному обнаружить себя в *неверном* регистре и скрыть за своей видимостью сущность вещи. Окулоцентризму европейской метафизики сопутствует принципиальное аниконическое подозрением к видимости.

Предпринятый далее анализ направлен на экспликацию собственного критического потенциала видимости, задействованного в деле *разоблачения*, снятия покровов, с самой метафизики. В этих целях в параграфе рассматривается группа понятий критической философии Канта, позже радикально переосмысленная в сочинениях Ницше. В «Критике чистого разума» Кант разграничивает пару понятий, сохраняющих общее этимологическое ядро *свечения* или *сияния* (scheinen): Schein и Erscheinung (оба понятия могут быть корректно переведены как «видимость»). Согласно основополагающему для трансцендентального идеализма Канта различению, явление (Erscheinung) — фактически приравненное докритическому понятию объекта — принципиально противопоставлено вещи-самой-по-себе (Ding-an-sich). Однако для того, чтобы удержать это различие, Канту необходимо ввести различие следующего порядка между *явлением* и *видимостью* (Erscheinung и Schein). Смешение этих категорий угрожает смешением первой пары понятий, а значит, возвратом докритической метафизики. Кант добивается признания явления (Erscheinung), «вытесненного» метафизикой, противопоставляя его не сущности или идее (подлежащей умо-зрению), но принципиально недоступной для трансцендентального субъекта

¹⁹ Делёз Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011. С. 230.

вещи-в-себе. Однако это признание (или «возвращение вытесненного») дается ценой *презрения* на следующем этапе различения видимости (Schein) — ба-старда, порожденного незаконной связью вещи-в-себе и явления.

Иерархия этой пары понятий переворачивается в философии Ницше. Ницше освобождает видимость от оков репрезентативной метафизики, редуцирующей видимое к функции представления в себе отличного от себя. Видимость уже не противостоит «какой-то сущности»²⁰ — напротив, сущность есть лишь один из предикатов видимости, а кантовское явление (Erscheinung) — один из ее моментов. Так, освобожденная видимость в свою очередь оказывается орудием разрушения (или пересборки) самой метафизики.

Пересборка видимости в философии Ницше анализируется в контексте современной ей трансформации технической природы видимости, вызванной становлением фотографии и кинематографа. На основании этого анализа проблематизируются принципиально новые машинные, цифровые и алгоритмические формы видимости.

В *параграфе 1.2 «Техника, эстетика, технико-эстетическая среда»* намечается перспектива «генерализации» эстетики в анализе отношения техники и эстетической способности, опираясь на понятие среды, разработанное в философии Жоржа Кангилема и Жильбера Симондона.

В параграфе анализируется серия взаимозависимых движений смещения и децентрализации, захватывающих связанные между собой регионы техники и эстетической способности. Это смещение в доминирующем способе производства субъективности от ориентации на способность к «производству значения» к аффективности и «производству восприятия», действующему в терминах Жильбера Симондона доиндивидуальную реальность. Во-вторых, это децентрализация самого воплощенного (индивидуированного) субъекта в его отношении с техникой или, иначе, рассредоточение самой техники, выступающей на данном этапе своего развития, скорее, в качестве среды, чем локализованно-

²⁰ Ницше Ф. Веселая наука // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 3. М.: Культурная революция, 2014. С. 383.

го объекта. Таким образом, что принципиальная модель техники как «твердого» аппаратного средства (hardware) перестает на этом этапе эволюции отвечать ее текущей, обволакивающей природе.

Так, Феликс Гваттари выделял процессы «всеобщей эстетизации», характеризуя становление в 80-х гг. XX в. принципиально новой эпохи в истории субъекта, в которую «эстетическая способность к чувствованию»²¹ захватывает и переопределяет сферу «производства субъективности». Осью сборки субъекта в новом режиме, заступающим на место «классической» модели, центрированной на языке и «производстве значения»²², оказывается сеть перцептивных и аффективных способностей, определяющих «производство значения».

Это оказывается возможным благодаря изменению в природе технических объектов, так как: «В самом сердце человеческой субъективности, — утверждает Гваттари, — работают технологические машины информации и коммуникации»²³. Оставаясь средством производства субъективности или индивидуации, техника преодолевает значение средства, среднего термина, опосредующего и увязывающего собой полюсы наделенного эстетической способностью индивида и внешней ему среды. Техника в собственном смысле становится сверхсвязанной средой, включающей в себя на собственных основаниях (и не с необходимостью) воплощенного индивида.

От парадигмы значения и символизации ось индивидуации смещается к сигналам и абстрактным декодированным потокам данных (регистру, который Гваттари обозначал как «а-означающая семиотика») — к механизмам, которые «связывают орган, систему восприятия, интеллектуальную деятельность и так далее непосредственно с машиной, процедурами и знаками»²⁴. Аффективность

²¹ Guattari F. *Chaosmose*. Paris: Galilée, 1992. P. 141.

²² Ibid.

²³ Ibid. P. 15.

²⁴ Lazzarato M. *Signs and machines: capitalism and the production of subjectivity*. Los Angeles: Semiotext(e), 2014. P. 40.

или до-субъективный аффективный уровень становится интерфейсом²⁵, швом сборки органического и технического нечеловеческого.

Речь, таким образом, идет с одной стороны о «переориентации» производства субъективности и изменениях в диапазоне эстетических возможностях воплощенного субъекта, и вместе с тем о технически-обусловленном рассеивании, децентрализации и «десубъективации» самой эстетической способности.

Параграф завершается анализом политэкономического значения указанных трансформаций, превращающих эстетическую способность в арену (и вместе с тем ставку) активного противостояния «универсализирующей и редуцирующей гомогенизации субъективности <...> и тенденции к усилению гетерогенности и сингуляризации ее компонентов»²⁶.

В *параграфе 1.3 «Техника в масштабах вселенной»* задача методологической «генерализации» техно-эстетики, обозначенная в предыдущем параграфе, рассматривается исходя из понимания всеобщности, которое в своем проекте «всеобщей экономики» предлагает Жорж Батай.

Понятие всеобщей экономики и соответствующие различие экономики всеобщей и ограниченной, которое намечает в ряде работ Жорж Батай, может служить направляющей для переориентации собственного поля эстетики и выявления значения технических операций и технических элементов в (техно-) эстетических процедурах. Двигаясь по намеченной Батаем траектории, всеобщая эстетика должна обращаться к рассмотрению эстетических процедур как процессов в принципиально открытой и нестабильной системе.

Разворачивающийся в принципиально ином историческом контексте, проект всеобщей экономики Батая на разных уровнях отвечает — во многом вопреки его ожиданиям, чем следуя его программе — текущим трансформациям в политэкономических, технических, эстетических и экологических процессах. В этом отношении обращение к экономической теории Батая не представ-

²⁵ Т.е., согласно принятому в информационных технологиях определению, общей границей, через которую отдельные компоненты системы обмениваются информацией.

²⁶ Guattari F. *Chaosmose*. Paris: Galilée, 1992. P. 16.

ляется лишь историко-философской данью ранней концептуализации понятия всеобщности.

Генеалогия понятия «всеобщая экономика» восходит за Батаем к Ницше, у которого Батай заимствует словосочетание и во многом сохраняет его исходное значение²⁷. Всеобщая экономика в представлении как Батая, так и Ницше противопоставляет себя классическим теоретическим системам, «ограниченным экономикам», таким как философия Гегеля или — для Батая — гегельянская политическая экономия Маркса, и исходит из принципиальной неустранимой позитивности «безмерной расточительности природы»²⁸. Исходящим из категории негативности «классическим теориям», всеобщая экономика противопоставляет позитивность переизбытка, неустранимого энергетического эксцесса. «Частная» нужда или нехватка — традиционно определяющая в истории европейской метафизики первичный импульс всякой экономической практики, а значит, и самой истории, — отступает в горизонте всеобщей экономики перед катастрофической позитивностью всеобщности. Нехватка, как и весь зависимый от нее арсенал классической экономической теории, может лишь быть искусственно сконструирована из изначального неустранимого сверхизобилия.

Всеобщность может быть определена через двоякое движение — включение (всегда еще) неучтенного внешнего элемента взаимодействия — и встречного исключения — избытка, определяющего систему, одновременно и присущего системе, и внешнего ей элемента, (всегда уже) превышающего возможности самоподдержания и роста.

В этой связи взаимодействия элементов в системе в перспективе всеобщей экономики не подлежат описанию в модели обмена или представления. Обмен, устанавливающий тождество или эквивалентность между обмениваемыми элементами, *заменяется* во всеобщей экономике на акт дара, отброса или уничтожения — насильственного и неравновесного перевода переизбытка энергии (или, что в модели Батая синонимично, жизни) в ее истребление.

²⁷ См., напр.: Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 5. М.: Культурная революция, 2012. С. 35.

²⁸ Там же. С. 19.

Принципиально несимметричное и необратимое, такое взаимодействие скорее отвечает не связи элемента *со* средой, сколько его смещению или становлению средой.

Трансгрессивный импульс теории Батая, призванной стать рычагом «терминальной акселерации»²⁹ капитализма и обернуть ограниченную экономику прибавочной стоимости во всеобщую экономику избытка, оказывается со апроприрован самим капитализмом в его «постмодернистской»³⁰ или «клоачной»³¹ фазе. Таким образом прочитывает теорию Батая Ник Ланд в ранней работе «Жажда аннигиляции: Жорж Батай и вирулентный нигилизм»³². Однако совпадение радикальных положений всеобщей экономики с логикой позднего капитализма указывает для Ланда не на потерю трансгрессивного потенциала теории Батая перед лицом новых форм капитализма, но на трансгрессивный потенциал самого техно-капитализма перед лицом устаревшего человечества.

По линии различения ограниченной и всеобщей экономики возможно наметить аналогичные регионы техники. Если «ограниченная техника», как ее традиционно понимает европейская мысль, исходит из «негативной антропологической и онтологической “технодицеи”, которая снова и снова воспроизводится как расшифровка и объяснение технического бытия»³³. «Всеобщая техника» прерывает историю нехватки в пользу радикальной позитивности избытка: «нехватка, — как утверждает Эрих Херл, — есть, вероятно, важнейший термин миноризации становления технического объекта и техничности как таковой»³⁴.

Однако описанная трансформация не ограничивается теоретическими построениями и задачей понимания — сама эволюция техники разворачивает тра-

²⁹ См.: Noys B. *Malign Velocities: Accelerationism and Capitalism*. Portland: Zero Books, 2014. 130 p.

³⁰ Goux J.-J. *General Economics and Postmodern Capitalism* // *Yale French Studies*, 1990. No. 78. P. 206–224.

³¹ Noys B. *Malign Velocities: Accelerationism and Capitalism*. Portland: Zero Books, 2014. P. 54.

³² Land N. *The Thirst for Annihilation. Georges Bataille and Virulent Nihilism (An essay in Atheistic Religion)*. London, New York: Routledge, 1992. 248 p.

³³ Hörl E. *The Artificial Intelligence of Sense: The History of Sense and Technology After Jean-Luc Nancy (By Way of Gilbert Simondon)* // *Parrhesia*. 2013. No. 17. P. 19.

³⁴ Ibid.

екторию генерализации, игнорируя все ограничительные метафизические понятийные схемы, присущие классическими моделями осмысления техники, и не требуя для себя иных оснований. Становление техники как подвижной децентрализованной среды, охватывающей собой все регионы бытия, не только указывает на радикальное отсутствие некоего смыслового «целерационального» центра, основания или сущности, техники — техника оказывается безоговорочным гарантом такого отсутствия.

Второй глава «Видимость и пределы феноменологии» обращается к феноменологической экспликации проблемы видимости. Задача параграфов этой главы — обозначить положение видимости в границах эстетической возможности (однако *на их пределе*) субъекта феноменологической философии и ее описательного аппарата. Эгологические основания проблемы восприятия в феноменологии рассматриваются в качестве ограниченной эстетики, в предложенном в первой главе определении.

В параграфе 2.1 «Феноменология и палеоантропология видимости» рассматривается модель исходной точки становления видимости. В этих целях исследование обращается к анализу ряда построений философии Мари-Жозе Мондзен. Опираясь в свою очередь на теорию палеоантрополога Андре Леруа-Гурана, Мондзен отстаивает парадоксальный тезис: способность к производству (и зрелищу) изображения является не столько одним из технических навыков, приобретенных в процессе антропогенеза, сколько событием в собственном смысле, определяющим сам антропогенез.

Предложенная Леруа-Гураном модель антропогенеза, скорее неоламаркианская, чем дарвинистская, описывает поэтапное становление вида *Homo sapiens* как телеологически ориентированную цепочку последовательных освобождений, кульминирующих в приобретении способности к речи и техническому действию как экстракорпоральной «социальной памяти» и «инстру-

менте освобождения от непосредственного живого присутствия»³⁵. Техногенез, продолжающийся за филогенезом, представляет собой, по Леруа-Гурану, симметричное «центробежное» движение освобождения техники от человеческого тела. Техника проходит в своей эволюции собственный маршрут становления, поэтапно освобождаясь от рудиментов антропоморфизма.

Ключевым моментом в филогенетической, а значит и техногенетической, цепочке освобождений в модели Леруа-Гурана становится событие прямохождения. Освободившаяся от участия в передвижении тела рука прирастает жестом и инструментом, тогда как рот освобождается от захвата и удержания добычи для способности к речи, обнаруживая вокруг себя — уже человеческое, возникающее в трансформации черепа вследствие прямохождения — лицо.

Нанесение наскальных графических меток, к анализу производства которых обращается Мондзен, Леруа-Гуран также трактует как результат «установления [в прямохождении] нового типа связи между операционными полюсами»³⁶, увязывающего руку (жест), оставляющую графическую метку, и лицо (глаз), ее воспринимающую. Первичный акт производства видимого изображения для Мондзен — есть не дополнение новым компонентом системы значащих (а значит различающихся между собой) элементов мира, но первичное «построение самой системы, позволяющей проводить конститутивные акты разделения и разграничения»³⁷. Производство изображения «означает вписывание операторов различия в поле видимости»³⁸.

Мондзен выстраивает палеонтологический миф о «перво-изображении», реконструируя процесс создания характерного для наскальной живописи индексального изображения кисти руки. Проект Мондзен, связывающий элементы палеоантропологии с феноменологией телесности, может быть прочитан как запоздалая реабилитация нововременной антропоцентрической модели авто-

³⁵ Leroi-Gourhan A. *Le geste et la parole: La mémoire et les rythmes*. Paris: Albin Michel, 1965. P. 22.

³⁶ Leroi-Gourhan A. *Le geste et la parole: Technique et langage*. Paris: Albin Michel, 1964. P. 262.

³⁷ Ibid. P. 313.

³⁸ Mondzain M.-J. What Does Seeing an Image Mean? // *Journal of Visual Culture*. 2010. Vol. 9. No. 3. P. 313.

номного и самопонятного субъекта, во многом сохранившейся в качестве рудиментарного картезианства во французской феноменологии. Фигура одинокого доисторического, до-технического человека в преддверии создания первого изображения в реконструкции Мондзен невольно отсылает к пуризму идей трансцендентальной субъективности, ригидному нормативному разграничению культуры и природы, человеческого и нечеловеческого. Вместе с тем выход к хронологически до-субъектному уровню видимости, предшествующему и иницирующему становления субъекта как *Homo spectator*³⁹ (Человека-зрителя), дальнейшая судьба которого рассматривается в следующих параграфах исследования, выводят анализ Мондзен за рамки ограниченной эстетики.

Согласно анализу Мондзен, организующая видимость изображения категория не негативность, определяющая структуру системы знаков, но движение разделения. «Вещь тогда становится изображением, когда она производит разделение. Изображение — оператор разделения»⁴⁰. Это разделение можно понимать двояко: и как сепарацию (видимого и невидимого), и как производство общего — разделяя, «изображение конструирует обмен взглядов между субъектами»⁴¹.

Палеонтропологическая модель видимости Мари-Жозе Мондзен рассматриваются в исследовании в свете принципиальных положений работ Жака Деррида и Жана-Франсуа Лиотара, по-своему проблематизирующих понятие различания, в частности, в отношении слышимой речи, «дискурса» и видимой «фигуры».

Параграф 2.2 «Видимость Другого и скопические режимы интерсубъективности» отталкивается от понятия скопического режима, предложенного французским исследователем кино Кристианом Метцем в работе «Воображаемое означающее»⁴². Этим понятием Метц обозначает воспроизводимую диспо-

³⁹ Mondzain M.-J. *Homo spectator*. Paris: Bayard, 2007. 269 p.

⁴⁰ Ibid. P. 24.

⁴¹ Ibid.

⁴² Метц К. Воображаемое означающее. Психоанализ и кино. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 334 с.

зицию зрелища, его зрителя и самой «зрительности», сосредоточенную в узле желания, наслаждения, взгляда и дистанции. В этом параграфе фундированное психоаналитической теорией исследования кино-зрелище Метца распространяется на зрелище тела Другого, проблематизированное в феноменологической философии Эдмунда Гуссерля и Мориса Мерло-Понти.

Метц обращается к теории влечений Зигмунда Фрейда и выстраивает, варьируя сборку «влечении к разглядыванию (Schautrieb)»⁴³, типологии зрелища. Подобной типологизации могут быть подвержены основные положения проблемы интерсубъективности (понятой как зрелище тела Другого) в феноменологической философии. В § 53 «Картезианских медитаций», предваряя опыт видения тела Другого, Гуссерль предлагает понимание всякого «там», данного через дистанцию, как модуса моего «здесь»⁴⁴; иными словами, понимание расстояния, схваченного во взгляде, через возможность его преодоления, «несохранения». Тогда на первых этапах феноменологической практики другие тела, находящиеся для меня *там* удостоверяются как тела Других — психофизических субъектов — через воображаемое перемещение моего уже достоверного тела-плоти в пространстве. При этом тела Других совпадают с возможными положениями моего тела — «т. е. как бы оно [мое тело] выглядело, *если бы я был там* (выделено автором.)»⁴⁵. Реализация такого перемещения в целях обоснования интерсубъективности невозможна, так как в точке «там» я могу оказаться только *вместо* другого, но не *вместе* с ним. Тела (Körper), которые в феноменологическом анализе обнаруживают себя как плоть (Leib), то есть чувствующая, страждущая психофизическая целостность, располагаются в единой перспективе, выстраиваемой от тела (и всегда уже плоти) Я.

Задача Пятой Картезианской медитации — обеспечить возможность существования перспективы с множеством одновременно данных нулевых точек.

⁴³ Фрейд З. Ребенка бьют: к вопросу о происхождении сексуальных извращений // Венера в мехах: Захер-Мазох Л. фон. Венера в мехах; Делёз Ж. Представление Захер-Мазоха; Фрейд З. Работы о мазохизме / Пер. А. В. Гараджа. М.: РИК «Культура», 1992. С. 335.

⁴⁴ Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический проект, 2010. С. 150.

⁴⁵ Там же. С. 152.

Задача Пятой Картезианской медитации — обеспечить возможность существования перспективы с множеством одновременно данных нулевых точек. Однако сам характер отношения каждой нулевой точки ко всем ее Другим остается при этом неизменным. Это выражается, в частности, в рассуждении Гуссерля о телесной норме.

Нарциссический мотив зеркального изображения важный для проблемы интерсубъективности в философии Гуссерля, рассматривается в параграфе (вопреки исходным установкам) как вторжение технического объекта, полностью переустраивающим сцену зрелища. Такое положение оказывается созвучным проблематизации интерсубъективного зрелища в философии Мориса-Мерло-Понти. В приведенной в «Видимом и невидимом» модели напротив зеркала, в котором Нарцисс должен увидеть себя, чтобы принять себя за Другого, на место фигуры Нарцисса Мерло-Понти помещает второе зеркало. В возникающих «двух бесконечных сериях вложенных друг в друга образов, которые в действительности не принадлежат ни одной из этих зеркальных поверхностей»⁴⁶ Мерло-Понти обнаруживает изначальную сопричастность и неразрывность видения и видимости. «Эти две вереницы в зеркале — вереница видимого и видящего»⁴⁷. Такое видение отменяет разделение на действующую и претерпевающую стороны в диспозиции созерцания (субъект-объектной полярности или активной и пассивной формы влечения к рассматриванию в терминах Фрейда), «что и составляет второй, более глубокий смысл нарциссизма»⁴⁸ и преодолевает ограничительную «эгологию» гуссерлевской философии.

Проблема технической, машинной видимости, располагающейся за границами герметичного самопонятного субъекта, требует экспликации понятия машины и различия машинного и органического, чему посвящена **глава 3 «Машина и машинные видимости»**.

⁴⁶ Мерло-Понти М. Видимое и невидимое. Минск: Логвинов, 2006. С. 202.

⁴⁷ Там же. С. 212.

⁴⁸ Там же.

В *параграфе 3.1 «Природа машины»* подробно анализируется соответствующие положения философии Жоржа Кангилема. Предметом его критического исследования в работе «Машина и организм» становится главным образом история эксплуатации в философии образа машины в качестве объяснительной модели для понимания устройства живого организма. Такое механицистское представление не только не позволяет осмыслить специфику органической жизни и само по себе базируется на противоречии, но и ведет к ложным представлениям о генезисе машины как технического объекта, а также понимании техники. Работа Кангилема 1952 г. может быть рассмотрена в качестве теоретического основания для более поздних рассуждений о природе машины Ж. Симондона в «О способе существования технических объектов», а также (уже в свою очередь зависимой от работы Симондона) концептуализации машины и «тела без органов» в работах Ж. Делёза и Ф. Гваттари, а также киберфеминистского проекта Д. Харауэй.

Ссылаясь на классические работы Франца, Кангилем воспроизводит краткую формулировку понятия машины и механизма. Машина понимается как искусственная конструкция, чья работа сущностно зависит от механизмов, тогда как механизм представляет собой конфигурацию из подвижных твердых тел,двигающихся таким образом, что это движение не нарушает принципиальной конфигурации структуры. Механизм является сборкой подвижных частей, пространственное отношение между которыми восстанавливается в ходе работы механизма. Такая сборка представляет собой систему связей с определенной заданной степенью свободы элементов. Механизм регулирует и преобразует полученный извне импульс. Механизмы комбинируемы, надстраиваемые один к другому, один механизм может видоизменять конфигурацию частей другого механизма, тогда как машина может состоять из множества механизмов. Такое изложение основных положений кинематики позволяет Кангилему сформулировать ключевой вопрос работы: в чем причина того, что объяснительная модель для понимания структуры и функционирования организма искалась в европейской философской традиции в области машин и механизмов?

По Кангилему, основание для ассоциации устройства организма и машины скорее следует искать не в «техническом подражании», но в органической природе первичного импульса, трансформируемого кинетической машиной на протяжении почти всей истории ее технической эволюции, а также органичности самого технического действия.

Переворот в понимании отношений машины и организма необходимо следует из трансформации человеческого поведения в результате взаимодействия машин и человека в индустриальных обществах. Организация труда согласно тейлористским моделям предполагает адаптацию органических движений человека к движению машины. Такая в строгом смысле рационализация и механизация движений рабочего за машиной требует исключения «лишних», избыточных, движений рабочего не влияющих напрямую на производительность труда в работе с машиной. Однако, как выясняется на практике, такие избыточные с точки зрения тотальной рационализации движения и жесты рабочего оказываются жизненно-необходимыми для рабочего. Эта несогласованность стала важным мотивом в кинематографе середины века. Достаточно упомянуть «Новые времена» Чарли Чаплина или фильмы Жака Тати. Несоразмерность эффективности движения тела с точки зрения машинной экономики жизненно-му процессу, движущему тело, позволяет Жоржу Фридману предречь необратимую техническую революцию, ведущую к особой взаимной адаптации машины и человеческого организма. Примечательно, что уже в 1925 г. советский поэт, теоретик и практик организации труда Алексеем Гастев писал в своем исследовании-манифесте «Как надо работать» о необходимом взаимном влиянии и сонастройке машины и человека.

Возвращаясь к гуманистическому образу «Новых времен» Чарли Чаплина, выводящего на экран персонажа «органически» неспособного встроиться в тотальный машинизм фордистского производства (который стремиться подчинить себе не только непосредственно конвейерный труд, но и всю жизнедеятельность рабочего), следует отметить и противоположный импульс в понимании отношения пары организма и машины, реализованный в истории кинемато-

графа в фильмах Бастера Китона. Машины, населяющие фильмы Китона, во многом отвечают чаяниям Кангилема и Фридмана о взаимном соучастии машинного и органического. Жиль Делёз пишет: «Китон превращает машины в своих самых дорогих союзников оттого, что его персонаж их изобретает и сам к ним принадлежит, — это машины “без матрицы” типа тех, что создавал Пикабиа. Они могут вырваться из-под его контроля, сделаться абсурдными или быть таковыми с самого начала, усложнить простое: и все же они непрестанно служат некоей высочайшей тайной целесообразности, находящейся в самых глубинах искусства Китона».⁴⁹ Для Делёза важен зазор в отношениях изобретения (Китон) и использования машины (Чаплин), оборачивающиеся использованием машиной человека.

Параграф 3.2 «Алгоритмизация видимости» обращается к практике внедрения алгоритмических систем машинного обучения в платформы хранения и показа цифрового видео. Эти процессы, как показывает результаты исследования, влияют на саму природу зрелища, преобразуя его и производя новый соответствующий ему тип зрителя. Процесс — или режим — такого зрелища принципиально отличается от режима кинематографического зрелища, даже если видимый зрителю «предмет зрелища» остается идентичным. Роль зрителя такого зрелища всегда разделена со множественными взаимообусловленными машинными процедурами — алгоритмическими соучастниками зрелища, в той же мере претендующими на определение в качестве зрителей — наблюдающих зрелище вместе со зрителем, вместо него, и наблюдающих в процессе зрелища за ним.

Ключевую значение в таком режиме имеют обучаемые рекомендательные алгоритмы, преобразующие процедуру зрелища в систему с замкнутым контуром обратной связи. Зафиксированный отклик зрителя на показ элемента архива, как и всякий иной «цифровой след» зрительского поведения, отражается в подборе для показа следующего элемента.

⁴⁹ Делёз Ж. Кино. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. С. 205.

Трансформации, которые претерпевает зрелище и его зритель, составляют часть масштабных преобразований, обусловленных алгоритмической автоматизацией. Обучаемые алгоритмические системы становятся ключевым инструментом извлечения прибыли, управления и контроля в условиях «алгоритмического»⁵⁰ или «вычислительного капитализма»⁵¹.

Однако алгоритмизация, охватывающая поле чувственного восприятия, может рассматриваться не в качестве захвата внешним искусственным элементом органических способностей к ощущению, но как «мутация самих этих способностей»⁵², проходящая посредством машин, но не ограничивающаяся ими. Процесс алгоритмической автоматизации воздействует на базовые эстетические способности, что также с необходимостью преобразует процедуру зрелища. Формирование общего поля чувственности, и, пользуясь формулой Жака Рансьера, «разделения [или распределения] чувственного»⁵³ подлежат технической и алгоритмической мутации. Алгоритмическое управление кодированными потоками чувственного, сопутствующих потокам капитала, снимает принципиальное различие между типами таких потоков и природой их участников.

Алгоритмизированное зрелище представляет собой закрытую систему с положительной обратной связью, ключевой переменной обращения внутри которой становится время просмотра — непосредственное присутствие зрителя в зрелище, а также фиксируемое сведение о его поведении. Данные о времени просмотра каждой единицы зрелища должны в результате алгоритмического преобразования поведения в зрелище увеличивать совокупное время просмотра, а значит и количество выработанных данных. В такой циклической работе зрелища алгоритмическая система одновременно задействована в извлечении и

⁵⁰ Паризи Л. Инструментальный разум, алгоритмический капитализм и неисчислимоe // Новое литературное обозрение. 2019. № 4(158). С. 169–181.

⁵¹ Stiegler B. The Age of Disruption: Technology and Madness in Computational Capitalism. Cambridge: Polity Press, 2019. 342 p.

⁵² Parisi L. Technoecologies of Sensation // Deleuze / Guattari & Ecology / B. Herzogenrath (ed.). Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan. 2009. P. 182.

⁵³ Рансьер Ж. Разделяя чувственное. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. 264 с.

отчуждении зрительского поведения, и вместе с тем участвует в его непрекращающемся восполняющем производстве.

Если зрелище теряет свою автономию в производительном процессе его потребления зрителем, зритель также утрачивает свое суверенное положение вынесенного из зрелища воплощенного суверенного взгляда. Зритель алгоритмического зрелища вовлекается в систему взаимного перекрестного наблюдения, сбора, анализа и перераспределения данных между машинными и немашинными участниками зрелища.

Отмечая пролетаризацию зрителя в алгоритмическом режиме зрелища, в параграфе рассматривается возможная тактика сопротивления или депролетаризации, осуществляемой через первичное освобождение машинных алгоритмических соучастников зрелища.

Параграф 3.3 «К нечеловеческой видимости» диссертационного исследования обращается к после-человеческой ситуации видимости и рассматривает значение катастрофы в самопонимании мышления и чувствования в новоевропейской и новейшей философии. Анализ отталкивается от секулярного «не-апокалиптического» знания о видовой конечности человека. Меняя знак от температурной смерти вселенной к климатической катастрофе глобального потепления, Кантовская первая антиномия о конечности мира — неразрешимость которой должна указывать на ограничения теоретического разума — превращается к концу XX в. из *образцово-метафизической* проблемы в предмет эмпирических наук⁵⁴. Само появление Человека разумного как вида прочитывается в такой перспективе как катастрофическое событие геофизической истории. «Планетарный нигилизм» вымирания оказывается необходимым коррелятом просвещенческого рационализма, признающего за мышлением способность принять невыгодную для себя истину. Просвещенческая воля к знанию тесно связана с волей к ничто⁵⁵. Вместе с тем «истина вымирания» не только ставит хронологические пределы человеческому проекту, но и угрожает самой воз-

⁵⁴ Danowski D., Castro E. B. V. de. *The Ends of the World*. Malden: Polity, 2017. P. 6.

⁵⁵ Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. P. 219.

возможности человеческого мышления *hic et nunc*, и этим радикально отличается от множества предшествовавших ей эсхатологических сценариев.

Коперниканский переворот, прошедший через свою Кантовскую и Гуссерлевскую версию⁵⁶, последовательно обрушивая метафизические горизонты, наделяет квазитрансцендентальным статусом горизонт земной как в геофилософском, так и в геофизическом представлении. Такой горизонт, как и всякий, с необходимостью должен оставаться не только бесконечно-удаленным, но и бесконечным. Грядущий планетарный коллапс обрушивает саму конститутивную «горизонтную направленность мышления к будущему»⁵⁷ и таким образом приговаривает укорененное в Земле (Ur-Erde) мышление к будущей катастрофе, которая оказывается всегда уже случившейся. Если мысль (когда-либо) умрет вместе с Солнцем и Землей, то «все уже умерло»⁵⁸.

В такой теоретической рамке могут быть рассмотрены некоторые положения философии Эвальда Ильенкова и ряда современных проектов материалистической направленности. Принципиальная связь внутреннего катастрофизма мышления и внешней катастрофы планетарной конечности позволяет прочесть ранний, но опубликованный лишь посмертно, трактат «Космология духа» в контексте ряда современных философских проектов, захваченных проблемой нечеловеческого. Такой контекст позволяет также проследить связь радикальных положений «Космологии духа» с более поздними текстами Ильенкова, посвященными критике кибернетики и проекта искусственного интеллекта. Идея жертвенной планетарной катастрофы «Космологии духа» рассматривается как упреждающий ответ положениям философии «спекулятивного реализма» и «ингуманистического реализма». Катастрофа сознательной самоотмены сознания определяет в более позднем сочинении Ильенкова его понимание проекта искусственного интеллекта.

⁵⁶ См.: Гуссерль Э. Коперниканский переворот коперниканского переворота. Перво-Ковчег Земля // Ежегодник по феноменологической философии. 2009–2010. Т. II. С. 349—363.

⁵⁷ Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. P. 223.

⁵⁸ Lyotard J.-F. *L'inhumain: Causeries sur le temps*. Paris: Galilée, 1988. P. 18.

Заключение

В ходе проведенного исследования было выявлено значение влияния эволюции техники на трансформацию комплекса практик, центрированных на способности к зрению, а также предложено расширительное понимание понятия техно-эстетики. Результаты исследования позволяют выдвинуть предположение о природе радикальных изменений в способе производства, потребления и разделения видимости, вызванных цифровизацией и алгоритмизацией повседневности. Исследование демонстрирует как техническая природа видимости определяет траекторию индивидуации или способа производства субъективности. В технико-эстетической перспективе исследование прослеживает судьбу видимости и ее субъекта от предполагаемой исходной точки гоминизации, становления человека как вида, проходя через сегодняшнее состояние видимости, до гипотезы о ее после-человеческом машинном будущем.

Ряд работ Мари-Жозе Мондзен служит в этом исследовании основанием для определения антропогенетического значения технической — жестуальной — видимости. Мондзен обращается к феномену наскального изображения, определяя взаимосвязь и различие способности к производству и зрелищу изображения, жесту и речи. Отталкиваясь от палеоантропологической теории Андре Леруа-Гурана, Мондзен анализирует процесс производства и зрелища наскального изображения в качестве события, определяющего движение антропогенеза и формирующего человека как «желающего и говорящего зрителя».

К наследию феноменологической философии во многом фундирующей исследования Мондзен это работа обращается в анализе специфического зрелища — тела Другого. В исследовании рассматривается обустройство сцены зрения, на которой разворачивается событие интерсубъективности, усмотрение в зримом теле его незримой плоти (*Leib*) в философии Эдмунда Гуссерля и хиазматическая онтология видимости видящей плоти (*chair*) в работах Мориса Мерло-Понти. Способы смотрения на тело Другого анализируются в контексте теории влечений Зигмунда Фрейда.

Эстетические положения феноменологической философии рассматриваются в этом исследовании в качестве «ограниченной эстетики». Перефразируя положения экономической теории Жоржа Батая, ограниченная эстетика противопоставляется эстетике всеобщей. Исходные принципы феноменологического проекта, заложенные Эдмундом Гуссерлем, определяются серией ограничений явления, носителем и источником которых становится трансцендентальный субъект. Эгологические ограничения феноменологической методологии проблематизируются современными представителями движения. «Феноменологическое Я остается бенефициарием (*l'attributaire*) и <...> судьей данного явления»⁵⁹. «Сводимость» феномена к Я, хотя и «редуцированному» в феноменологии, исключает «возможность абсолютного, автономного, ни к чему не сводимого феномена»⁶⁰. Если современная феноменологическая философия ищет способы преодоления собственных ограничений в «теологическом повороте», это исследование обращается к проблеме технического — машинного, цифрового и алгоритмического — как принципиально *нефеноменологизируемого*.

Принципиальная модель «чистого» *не-технотезированного* восприятия и определенная технофобия присущая феноменологической традиции не позволяет рассматривать в феноменологической перспективе «машинные феномены». Для этого, перефразируя выражение Жильбера Симондона, необходимо машинизировать саму феноменологию. В этих целях в исследовании анализируется понятие машины и теоретического сопряжения органического и машинного в проекте Жоржа Кангилема. Кангилем рассматривает эксплуатацию образа машины в качестве объяснительной модели для понимания живого организма и его частей в истории европейской философии.

Ориентируясь на понятие машины Кангилема и максимум Симондона о «всеобщей феноменологии машин», это исследование рассматривает влияние алгоритмических систем машинного обучения, внедряемых в платформы пока-

⁵⁹ Марион Ж.-Л. Насыщенный феномен // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / Сост. С. А. Шолохова, А. В. Ямпольская. М.: Академический проект, 2016. С. 234. (*Перевод изменен.*)

⁶⁰ Там же. С. 235.

за цифрового видео, на природу зрелища и его зрителя. Такая техническая новация, как показывает исследование, влечет за собой радикальную трансформацию процедуры зрелища и его субъекта. Переустройство «режима зрелища» прослеживается в работе в контексте масштабных преобразований в преобладающих способах извлечения прибыли, управления и контроля в связи с развитием систем машинного обучения и алгоритмической автоматизации. Алгоритмизация зрелища и зрителя представляется составной частью процесса пролетаризации потребления посредством сбора и капитализации данных и процедур режима «алгоритмического управления», также опирающегося на агрегацию, анализ и контроль данных. Результаты работы указывают на процессы «пролетаризации зрелища» и позволяют определить горизонты «депролетаризации» в условиях алгоритмического режима зрелища.

Завершая хронологически ориентированную экспозицию, открытую антропогенетической гипотезой Мари-Жозе Мондзен о *предчеловеческом* состоянии видимости, последний параграф настоящей работы обращается к проблеме видовой конечности человека и (его) после-человеческой машинной будущности. В исследовании анализируются элементы философии Эвальда Ильенкова в контексте ряда современных философских проектов, захваченных проблемой нечеловеческого. Ранний, однако опубликованный лишь посмертно, трактат Ильенкова «Космология духа» исследует феномен мышления в горизонте энтропийных процессов и сознательного вселенского самоуничтожения «мыслящей формы материи». Политическая космология Ильенкова, связывающая коммунистический проект с логикой становления и распада вселенной, прочитывается как предвосхищение и антитеза проекту «спекулятивного реализма». Обращаясь к дочеловеческому (а значит нечеловеческому) прошлому вселенной, Квентин Мейясу отстаивает в ключевом тексте проекта возможность помыслить мир без мышления. Напротив, гипотеза Ильенкова исходит из космологической перспективы нечеловеческого будущего и обосновывает мышление в качестве необходимого атрибута материи. Проблематизация планетарной видовой конечности человека позволяет обратиться к дискуссиям о машинной ре-

ализации мышления как нечеловеческого завершения просвещенческого гуманизма в проекте Резы Негарестани. В этом отношении радикальные положения «Космологии духа» оказывается возможно увязать с более поздними текстами Ильенкова, посвященными критике кибернетики и проекта искусственного интеллекта. Несмотря на явное расхождение в ожиданиях возможности и необходимости машинной реализации мышления, исходные посылки и аргументация Негарестани и Ильенкова во многом пересекаются и могут быть взаимодополняющими.

Настоящее исследование ставит ряд вопросов, методологию решения которых еще предстоит найти. Хотя библиография исследования включает в себя сочинение Альфреда Норта Уайтхеда, его философский проект не получил должного освещения в настоящей работе. Вместе с тем определенные положения философии Уайтхеда, в частности, его неантропоцентричная модель восприятия, «прегензии» и «каузальной эффективности», процесса регистрации или аффектации сущности любой природы присутствием другой сущности, может послужить надежным источником для концептуализации современных технико-эстетических процедур. Проблема способов производства субъективности, рассмотренная в данной работе главным образом в свете теории индивидуации Ж. Симондона и ряда работ Ф. Гваттари, также может быть обогащена анализом понятия «суперъект» в философии Уайтхеда.

Полученные в ходе исследования выводы способствуют формированию системного подхода к проблеме взаимосвязи эволюции техники и чувственного восприятия, позволяют обозначить точки сопряжения технических и эстетических способностей в видимости и могут служить материалом и стимулом для дальнейших философских исследований в области эстетики.

Список литературы

1. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1 / Ред. В. Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. 532 с.
2. Аронсон О. В. Кино и философия: от текста к образу. М.: ИФ РАН, 2018. 109 с.
3. Аронсон О. В. Коммуникативный образ (Кино. Литература. Философия). М.: Новое литературное обозрение, 2007. 384 с.
4. Аронсон О. В. Метакино. М.: Ad Marginem, 2003. 264 с.
5. Гуссерль Э. Картезианские медитации / Пер. с нем. В. И. Молчанова. М.: Академический проект, 2010. 229 с.
6. Делёз Ж. Кино / Пер. с фр. Б. Скуратова. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 560 с.
7. Делёз Ж. Логика смысла / Пер. Я. И. Свирский. М.: Академический проект, 2011. С. 230.
8. Марион Ж.-Л. Насыщенный феномен // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / Сост. С. А. Шолохова, А. В. Ямпольская. М.: Академический проект, 2016. 288 с.
9. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с фр. А. Маркова, Д. Калугина, Л. Корягина и др. СПб.: Наука, 1999. 608 с.
10. Метц К. Воображаемое означающее. Психоанализ и кино / Пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 334 с.
11. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 5 / Пер. с нем. Н. Н. Полилова, К. А. Свасьяна. М.: Культурная революция, 2012. 480 с.
12. Паризи Л. Инструментальный разум, алгоритмический капитализм и неисчислимое // Новое литературное обозрение. 2019. № 4 (158). С. 169-181.
13. Петровская Е. В. Теория образа. М.: РГГУ, 2010. 281 с.
14. Рансьер Ж. Разделяя чувственное / Пер. с фр. В. Лапицкого, А. Шестакова. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. 264 с.

15. Фрейд З. Ребенка бьют: к вопросу о происхождении сексуальных извращений // Венера в мехах: Захер-Мазох Л. фон. Венера в мехах; Делёз Ж. Представление Захер-Мазоха; Фрейд З. Работы о мазохизме / Пер. А. В. Гараджа. М.: РИК «Культура», 1992. С. 317-348.
16. Харман Г. Спекулятивный реализм: введение / Пер. с англ. А. А. Писарева. М.: РИПОЛ классик, 2020. 290 с.
17. Avanessian A., Mackay R. (eds.) #Accelerate: The Accelerationist Reader. Falmouth: Urbanomic, 2014. 544 p.
18. Barthélémy J.-H. Life and Technology: An Inquiry Into and Beyond Simondon. Lüneburg: Meson Press, 2015.
19. Berr M.-A. Die Kadenzen der Schöpfung: Gott ? Mensch ? Maschine ? // Anthropologie nach dem Tode des Menschen / D. Kamper, C. Wulf (Hrsg.). Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1999. 461 S.
20. Brassier R. Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. 275 p.
21. Bryant L. R., Srnicek N., Harman G. The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism. Anamnesis. Melbourne: Re.press, 2011. 440 p.
22. Canguilhem G. La Connaissance de la vie. Paris: Vrin, 1965. 256 p.
23. Combes M. Gilbert Simondon and the Philosophy of the Transindividual. Cambridge, Mass: MIT Press, 2013. 119 p.
24. Danowski D., Castro E. B. V. de. The Ends of the World. Malden: Polity, 2017. 186 p.
25. Deleuze G. Foucault. Paris: Minuit, 2004. 146 p.
26. Doane M. A. Film and Masquerade: Theorising the Female Spectator // Feminist Film Theory: A Reader / S. Thornham (ed.). Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. P. 131–156.
27. Guattari F. Chaosmose. Paris : Galilée, 1992. 186 p.
28. Kaplan E. A. Film and History: Spectatorship, Transference, and Race // History and...: Histories within the Human Sciences / R. Cohen, M. Roth (eds.) Charlottesville, VA: Virginia University Press, 1995. P. 179–208.

29. Jay M. That Visual Turn. The Advent of Visual Culture // Journal of Visual Culture. 2002. No. 1. P. 87–92.
30. Land N. The Thirst for Annihilation. Georges Bataille and Virulent Nihilism (An essay in Atheistic Religion). London, New York: Routledge, 1992. 248 p.
31. Lazzarato M. Signs and machines: capitalism and the production of subjectivity. Los Angeles: Semiotext(e), 2014. 279 p.
32. Leroi-Gourhan A. Le geste et la parole: La mémoire et les rythmes. Paris: Albin Michel, 1965. 323 p.
33. Leroi-Gourhan A. Le geste et la parole: Technique et langage. Paris: Albin Michel, 1964. 326 p.
34. Lyotard J.-F. L'inhumain: Causeries sur le temps. Paris: Galilée, 1988. 219 p.
35. Massumi B. "Technical Mentality" Revisited: Brian Massumi on Gilbert Simondon // Parrhesia. 2009. No. 15. P. 36–45.
36. Mayne J. Cinema and Spectatorship. London, New York: Routledge, 1993. 200 p.
37. Mitchell W. J. T. Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 445 p.
38. Mondzain M.-J. Homo spectator. Paris: Bayard, 2007. 269 p.
39. Mondzain M.-J. What Does Seeing an Image Mean? // Journal of Visual Culture. 2010. Vol. 9. No. 3. P. 307–315.
40. Noys B. Malign Velocities: Accelerationism and Capitalism. Portland: Zero Books, 2014. 130 p.
41. Parisi L. Technoecologies of Sensation // Deleuze / Guattari & Ecology / B. Herzogenrath (ed.). Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan, 2009. P. 182–200.
42. Stiegler B. The Age of Disruption: Technology and Madness in Computational Capitalism. Cambridge: Polity Press, 2019. 342 p.